

СОСЛОВИЕ, ПРОФЕССИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТА: К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВА И ТОБОЛЬСКА)

Исследование поддержано РГНФ (проект № 15-01-00207а) и РФФИ (проект № 15-06-07553А).

На основе комплексного междисциплинарного подхода, массовых исторических источников, используя методы стратификации и компьютерные технологии, представлен опыт сравнительного анализа профессионального, сословного и социального состава населения Тамбова и Тобольска. Исследованы возрастные, гендерные и социальные характеристики сословно-профессиональных групп городского населения, конкретизированы состав и удельный вес элиты, средних слоев и социальных низов губернских центров в конце XIX – начале XX в. Полученные результаты свидетельствуют как об общих тенденциях социального развития (нивелировка сословий, рост профессионализации и др.), так и о некоторых региональных особенностях в путях социальной трансформации двух губернских центров.

Ключевые слова: губернский город; профессиональная структура; сословие; социальная страта; HISCO.

Статья представляет собой опыт сравнительного анализа социальной структуры двух губернских центров – Центрального Черноземья (Тамбов) и Западной Сибири (Тобольск) – на основе сословного подхода и социально-профессиональной стратификации.

Сословия, выступающие в качестве обязательного «маркера» социального положения, позволяют проанализировать социальный состав населения городов на основе юридически закреплённого статуса. Сведения же о занятиях дают возможность не только реконструировать профессиональную структуру, но и выявить реально существовавшие социальные группы губернских центров поздней имперской России.

Сравнение губернских городов разных регионов Российской империи (Западной Сибири и Центрального Черноземья), оказавшихся в силу объективных причин в различных исторических условиях, позволит, во-первых, сделать вывод о типичности происходящих изменений в социальной структуре, а во-вторых, проанализировать влияние темпов урбанизации и модернизации на социальные преобразования.

Для анализа социальных, демографических и экономических показателей развития губернских центров использованы подходы и методы такого научного направления, как «новая историческая демография», основанного на комплексном междисциплинарном подходе к анализу массовых исторических источников [1. С. 38–42].

Социальная структура российского общества на рубеже XIX–XX вв.: краткая историография вопроса. Социально-экономические преобразования, происходившие в России во второй половине XIX в. и ставшие катализаторами модернизационных и урбанизационных процессов, привели к ряду социальных трансформаций, наиболее ярко проявившихся в крупных губернских центрах.

В отечественной историографии можно выделить три подхода к изучению социальной структуры городов: во-первых, традиционный, основанный на сословной иерархии городских жителей, во-вторых, классовый, доминирующий в исследованиях советского периода и трактуемый в современной отечественной историографии как классово-страти-

фикационный (классово-слоевой) [2. С. 45], в-третьих, стратификационный, предусматривающий анализ социального статуса по какому-либо измерению или их совокупности в случае использования подходов и методов социальной стратификации (профессия, доход, сословие, властные полномочия и др.) [3]. Сегодня ряд зарубежных и отечественных исследователей полагают, что классы и классовое деление есть частный случай стратификации [4. С. 40]. Ряд представителей постсоветской социологии рассматривают классовую структуру общества как один из видов социальной стратификации, в основе которого лежат экономические факторы, в том числе отношение к собственности и материальным благам [2. С. 45].

Применение традиционного (сословного) подхода при анализе социальной структуры базируется на том факте, что государство в рассматриваемый период законодательно закрепляло сословную структуру российского общества. Все население Российской империи в соответствии со Сводом законов о состояниях (1899) было разделено на «природных обывателей», инородцев и иностранцев. Для российских подданных были установлены четыре главных сословия: дворяне, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели (крестьяне). Эти сословные группы в свою очередь делились на несколько сословных категорий. Так, в число городских обывателей включали купцов, мещан, ремесленников и др. [5. С. 1–3].

Указание сословной принадлежности того или иного российского подданного было одним из обязательных требований как для церковной (метрические книги), так и для гражданской (переписи населения) статистики. Значимость сословного строя для дореволюционной России признавали многие исследователи [6. Т. 1. С. 76–147], отмечая, в частности, тот факт, что «сословная парадигма была присуща массовому общественному сознанию» [7. С. 36].

Однако уже на рубеже XIX–XX вв. для российского общества стали очевидными размытость, изменчивость сословной структуры и большее, нежели принадлежность к тому или иному сословию, разнообразие социальных категорий населения. При этом исследователи в качестве основного идентификатора

социального положения того или иного лица стали использовать сведения о роде его занятий, статусе или должности. Так, российские статистики Ю.Э. Янсон и Б.П. Кадомцев, опираясь на зарубежный опыт, использовали при реконструкции социального состава населения России сведения о положении лица в статусно-должностной иерархии его рода занятий, на основании чего провели деление на хозяев, служащих и рабочих [8. С. 115–119; 9. С. 41–48]. Другой отечественный исследователь, Н.А. Рубакин, изучая структуру российского общества и основываясь на данных о занятиях населения по переписи 1897 г., выделил 6 социальных групп, которые он назвал общественными классами [10. С. 95–100].

В основе утвердившегося в советской историографии классового подхода лежит отношение к средствам производства, а собственно сословиям уделялось незначительное внимание [11].

Отечественные исследователи, опираясь на теоретические подходы К. Маркса и В.И. Ленина, выделяли следующие социально-классовые группы городского населения позднеимперской России: крупную буржуазию (владельцы крупных торгово-промышленных заведений, крупные чиновники, рантье), мелкую буржуазию, или средние слои (мелкие хозяева, служащие, интеллигенты, духовенство), полупролетариат и пролетариат (рабочие, прислуга, поденщики) [12]. Кроме того, в некоторых работах использовался такой термин, как «класс-сословие», сочетающий экономический и социальный показатели (например, «помещики-дворяне») [13. С. 25–26].

В современной историографии активно развивается стратификационный подход, для которого «маркерами» социального положения выступают указания на род занятий, чин, образование, должность, место службы, уровень доходов и наличие собственности. Одними из первых, кто применил подходы и методы стратификации с целью выявления реальной социальной структуры советского и постсоветского общества, стали О.И. Шкаратан и В.В. Радаев [14. С. 224–232]. Стратификацию сословий российского общества до 1917 г. на основе данных о доходах и сферах деятельности провел Б.Н. Миронов [6. С. 82–129].

Несмотря на наличие крупных работ в области стратификации российского общества в целом, в конкретно-исторических исследованиях (а стратификация, по выражению основоположника стратификационной теории П.А. Сорокина, всегда имеет конкретно-исторический характер [15. С. 306–307]) наблюдается разнообразие методов и подходов, что часто приводит к несопоставимости результатов. При этом стоит отметить, что некоторые проблемы в применении единых методов стратификации связаны не столько с неразработанностью самих методов, сколько с особенностями источниковой базы российских исторических исследований. Так, если для европейских стран рубежа XIX–XX вв. указание на занятие было основным маркером социального статуса, то в России сведения о профессиональной деятельности систематически не собирались. В этом отношении использующиеся в представленной статье материалы переписей

населения, в том числе Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., а также некоторые документы текущей статистики, которые отражают данные не только по сословиям, но и по занятиям, имеют унифицированную форму и сохранились в разных регионах России, представляют собой уникальные материалы, позволяющие не только реконструировать социально-профессиональный состав общества, но и осуществлять сравнительно-исторические исследования отдельных городов и регионов.

Сословная структура Тамбова и Тобольска. К концу XIX – началу XX в. Тамбов и Тобольск являлись типичными провинциальными губернскими городами, которые имели как общие черты административных центров аграрных районов, так и ряд особенностей, обусловленных спецификой регионов. Согласно данным дореволюционной административной статистики, оба города относились к III разряду городов, численность населения которых составляла от 20 до 100 тыс. чел. По данным переписи 1897 г., в Тобольске проживали 20 425 чел., в Тамбове – 48 015 [16. С. 2; 17. С. 2]. К подобному типу относились 67 городов Российской империи [18. Т. 28. С. 855].

Города представляли собой административные, духовные и культурные центры губерний. В них были сосредоточены государственные и общественные учреждения, религиозные, медицинские, образовательные и творческие центры, служившие для целей управления, социального и культурного обеспечения жителей губернии [19; 20. С. 75–78; 21; 22]. В обоих городах располагались военные гарнизоны, что отражалось на половозрастной структуре губернских центров. Как крупные центры аграрных регионов, они были привлекательными для сезонных работ и временных заработков, т.е. отходничества крестьян, особенно в зимний период.

Вместе с тем города оказались в разных экономических условиях, обусловленных, прежде всего, развитием железнодорожного сообщения. Так, если жители Тамбова и большей части Тамбовской губернии уже с 1870-х гг. активно использовали железнодорожный транспорт, то Тобольск, напротив, к концу XIX в. остался в стороне от крупных торговых путей и строящейся Транссибирской магистрали. Последнее обстоятельство оказало влияние на темпы модернизации и мобильность населения в целом. Кроме того, на Тобольск оказывали серьезное влияние добровольные и принудительные (ссылки, тюрьмы) миграции второй половины XIX в., отразившиеся и на социальной структуре города.

Важнейшим источником по сословной и профессиональной структуре населения городов рассматриваемого периода являются материалы переписи 1897 г. На основе как агрегированных, так и первичных ее материалов созданы тематические базы данных: «Население Тобольска в 1897 г.» (авторы В.Н. Владимиров, Е.А. Брюханова, Д.В. Колдаков, И.Г. Силина), «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в.» (<http://hcod.asu.ru/>) (авторы Е.А. Брюханова, Д.Н. Иванов). По Тамбову созданы базы данных на основе таких массовых персональных

источников, содержащих информацию о сословном, профессиональном и имущественном положении населения губернского центра, как окладные книги недвижимых имуществ (конец XIX – начало XX в.) (авторы О.М. Зайцева, Н.В. Стрекалова), адрес-календари и памятные книги Тамбовской губернии (авторы О.М. Зайцева, Н.В. Стрекалова) и др. [23].

По опубликованным материалам переписи 1897 г. сословная структура городов Тобольска и Тамбова отразила как общие для губернских центров показатели, так и региональные особенности процессов урбанизации (таблица). Общими тенденциями стали относительно высокие по сравнению с данными по губерниям в целом доли представителей дворянского и чиновничьего сословия (12% для Тобольска, 11% для Тамбова, доля дворян и чиновников не из дворян в губернии составляла только 0,5 и 0,6% соответственно), а также высокий процент духовенства (3,7 и 4,5% при, соответственно, 0,4 и 0,7% по губерниям в целом).

В сумме привилегированные сословия составляли чуть более 15% населения городов, тогда как около 80% населения относили себя к крестьянскому или городскому сословию. Именно в соотношении этих двух наиболее многочисленных сословных категорий наблюдалось наибольшее различие между городами. Так, половину жителей Тамбова составляли «лица сельского состояния» (49,8%), тогда как в Тобольске этот показатель был существенно ниже (37,4%), а доминирующей сословной группой в Тобольске были мещане, купцы и почетные граждане, составившие 40,6% населения. Кроме того, в структуре сословно-социальных групп Тобольска небольшую долю составляли инородцы (1,2%), что объясняется близостью инородческих Березовского и Сургутского округов, а также такая категория, как «лица, не принадлежащие к указанным сословиям» (4,5%), в которую вошли ссыльные, поселенцы, отставные военные (причисленные к воинскому состоянию до введения всеобщей воинской повинности) и члены их семей. Представителей указанных сословных категорий в Тамбове было менее 1%.

Самыми «городскими» сословиями, с точки зрения постоянного проживания в городах, оказались дворяне и чиновники (77,9% в Тобольской губернии, 67,1% в Тамбовской), почетные граждане, купцы и мещане (74,2% и 65,3% соответственно) (табл.). Из представителей духовенства в обеих губерниях только около 25% проживали в городах, доля крестьян – жителей городов была существенно ниже и составляла для Тобольской губернии 3,2%, а для Тамбовской – 4,9%. Интересно, что концентрация в городах представителей всех сословий, за исключением крестьян, в Тобольской губернии была несколько выше, чем в Тамбовской.

Одним из существенных моментов, характеризующих не только структуру городского населения, но и «источники» формирования сословий в городах, являются миграции. При анализе данных о местах рождения жителей городов зафиксировано, что в обоих городах во всех сословиях, за исключением лиц сельского состояния, доминировали местные уроженцы,

причем в Тобольске их доля была несколько выше, чем в Тамбове. Интересно отметить, что значительную часть как потомственных (Тобольск – 47,6%, Тамбов – 43,3%), так и личных дворян и чиновников (31,1 и 26,7% соответственно) в обоих городах составляли уроженцы других губерний, тогда как 45,3% крестьян прибыли в города из волостей и уездов своей же губернии. Эти факторы обусловили высокий процент пришлого населения (53,2% в Тамбове и 51,1% в Тобольске), что отражает активный процесс урбанизации в анализируемых регионах. Но если основными источниками пополнения населения Тамбова были уезды Тамбовской губернии (36,8%), то в Тобольске доля внутригубернских мигрантов была заметно ниже (27%) и компенсировалась отчасти внешним потоком из других губерний (23,1%).

Сословная структура Тобольска и Тамбова
[16. С. 46–47; 17. С. 54–55]

Показатель	Тобольск			Тамбов		
	Кол-во чел.-век	Доля сословия	Доля горожан в сословии*	Кол-во чел.-век	Доля сословия	Доля горожан в сословии*
Дворянство потомственное	483	2,4	65,8	2 298	4,8	59,8
Дворянство личное, чиновники не из дворян	1 962	9,6	83,1	2 979	6,2	73,6
Всего дворян, чиновников	2 445	12,0	77,9	5 277	11,0	67,1
Духовенство	751	3,7	27,4	2 160	4,5	24,5
Почетные граждане	159	0,8	46,9	1 355	2,8	43,3
Купцы	244	1,2	80,8	801	1,7	79,6
Мещане	7 886	38,6	74,7	14 029	29,2	66,2
Всего городского сословия	8 289	40,6	74,2	16 185	33,7	65,3
Крестьяне	7 627	37,3	3,2	23 873	49,7	4,9
Войсковые казаки	22	0,1	20,2	33	0,1	54,8
Всего крестьянского сословия	7 649	37,4	3,2	23 906	49,8	4,9
Другие сословия	909	4,5	49,8	229	0,5	50,1
Не указавшие сословия	125	0,6	62,8	154	0,3	46,3
Иностранные подданные	5	0,0	53,5	100	0,2	56,4
Инородцы / финляндские уроженцы	252	1,2	1,2	4	0,0	68,8
	20 425			48 015		

*Доля представителей сословия, проживавших в городах губернии.

Интересные результаты были получены при сравнении половозрастной структуры сословий. Нормальное гендерное и возрастное распределение имели представители городских сословий (дворянства, чиновников не из дворян и городских сословных групп): небольшое увеличение доли представителей сословий в 10–19-летнем возрасте (до 20–25%) и постепенное уменьшение в старшем возрасте.

Примечательным является тот факт, что возраст около 60% представителей духовенства в обоих городах составлял от 10 до 19 лет. При этом в Тамбове преобладали юноши (70,2%), тогда как в Тобольске гендерное распределение духовенства в 10–19 лет не

отличалось от остальных возрастных периодов (51% юношей и 49% девушек). Увеличение числа представителей привилегированных и городских сословий в 10–19-летнем возрасте, скорее всего, обусловлено наличием в городах учебных заведений разного профиля, в том числе духовных семинарий, и, как следствие, образовательных миграций. У крестьян и инородцев Тобольска до 30% численности приходилось на 20–29-летний возрастной период при одновременном увеличении числа мужчин до 65%, что связано не только с отходничеством, но и с размещением в городах военных гарнизонов.

Сословная структура показала некоторые отличия в характере процессов урбанизации губернских центров Сибири и Центрального Черноземья. Общей на рубеже XIX–XX вв. для Тамбова и Тобольска была тенденция, связанная с ростом доли негородских сословий в составе населения городов. При этом сословная структура уже не отражала в полной мере социальные реалии провинциального российского города в конце XIX – начале XX в.

Профессиональная структура и социальная стратификация населения Тамбова и Тобольска. Профессиональная структура Тамбова и Тобольска в целом была типичной для многих провинциальных губернских городов. Для реконструкции профессиональной структуры городского населения конца XIX – начала XX в. использовалась международная классификация HISCO (Historical International Standard Classification of Occupation), которая была разработана для проведения сравнительных исследований в области социальной и экономической истории на основе унифицированных данных о занятиях населения [24. С. 9]. Соотношение структуры HISCO с данными переписи 1897 г. происходило на уровне больших групп, т.е. путем присвоения каждой группе занятий переписи определенного кода, указывающего на принадлежность данной группы к сфере деятельности по HISCO. Кроме того, в работе была задействована дополнительная классификация (Additional Classification) HISCO, в которую вошли группы живущих за счет средств частных лиц (родителей, родственников и др.), а также казны и общественных учреждений (например, получающие пенсию). Следует отметить, что в целях оптимизации структуры занятости и выявления особенностей социального состава городского населения группы, включающие занятых в административном управлении и конторском труде, составляющие весьма низкую долю среди занятого населения, были объединены в одну группу 2/3, тогда как группы «Вооруженные силы» и «Лишенные наказания» были показаны отдельно [25. С. 67]. На рис. 1 представлены материалы переписи 1897 г. по Тамбову и Тобольску, закодированные в группах HISCO.

Доминирующими группами в обоих городах были объединенная группа 7/8/9 «Работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие» – 26,3% в Тобольске и 30,5% в Тамбове и группа 5 «Работники сферы обслуживания» – по 18% в обоих городах. При этом доля занятых в каждой груп-

пе была примерно одинакова и составляла 20–23%, а доля членов семей у работников производственного сектора была в три раза выше, чем у представителей сферы обслуживания. Такая диспропорция связана с тем, что прибывавшим на заработки крестьянам было проще найти работу прислугой, работниками в хозяйстве, извозчиками, чем выполнять работу, требовавшую специальных знаний и навыков [26. С. 112–125]. Заметное различие в социально-профессиональной структуре городов наблюдалось в двух группах, которые существенно влияли на социальный «облик» губернских центров. Речь идет о заключенных и лицах, получавших нетрудовые доходы. В Тобольске располагалось несколько тюремных учреждений, обитатели которых составили 5,2% населения всего города, в Тамбове же доля заключенных была менее 1%.

Интересными оказались результаты сравнения групп дополнительной классификации, в которую вошли такие группы населения по переписи 1897 г., как «Живущие доходом с капитала и недвижимого имущества или на средства, получаемые от родителей и родственников», «Живущие на счет казны и общественных учреждений и на средства частных лиц» и «Неизвестные занятия». В Тамбове доля лиц, проживающих за счет собственных средств, казны или частных лиц, оказалась существенно выше (16,4%), чем в Тобольске (11,5%). В абсолютном выражении в Тамбове проживало почти в три с половиной раза больше лиц, получавших нетрудовые доходы – 5 709 чел. против 1 679 чел. в Тобольске. Эти показатели могли быть обусловлены, с одной стороны, большим числом потомственных дворян в Тамбове, с другой – наличием медицинских и учебных заведений, пациенты и воспитанники которых попадали в группу лиц, живущих за счет средств казны, общественных учреждений и частных лиц.

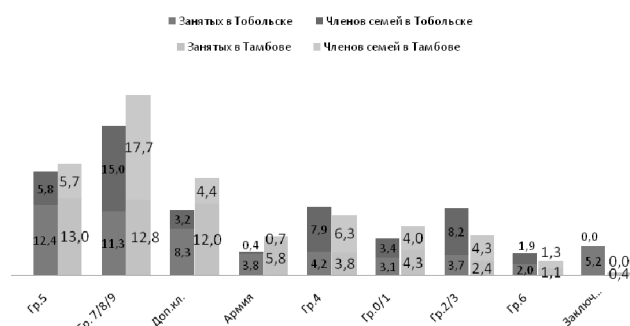

Рис. 1. Соотношение занятых и членов семей в Тамбове и Тобольске [16. С. 151; 17. С. 157] по социальным и профессиональным группам, представленным в классификации HISCO¹

Тем не менее агрегированные данные, отражающие юридически закрепленный сословный состав и специфику занятости населения городов в целом, не позволяют провести стратификацию социального состава губернских центров. Включение того или иного городского обывателя в состав определенной страты возможно только на основе анализа данных персонафицированного учета, используя методы социальной стратификации.

Профессия и занятия имели важное значение в стратификации российского общества начала XX в.,

когда под воздействием модернизационных процессов, происходивших в стране, усложнялась его дифференциация. Профессиональная стратификация представляет особый интерес вследствие того, что ряд профессий обеспечивал место в определенных социальных слоях общества. Информация о профессии (или роде занятий), ее престиже, размере жалования (получаемом доходе), чине, должности, месте службы позволяет провести социальную идентификацию представителей той или иной профессиональной группы. В определенном смысле вознаграждения «встроены» в социально-профессиональные позиции, куда включаются и так называемые сопутствующие блага.

При анализе социально-профессиональной градации жителей Тамбова и Тобольска (прежде всего самозанятого населения) были использованы методы и подходы социальной стратификации. При выборе критериев для ранжирования населения российского провинциального города конца XIX – начала XX в. на основании профессиональной принадлежности авторы опирались на анализ специальных исследований по отдельным профессиональным группам и уже апробированные методики исследования этой проблемы при изучении населения Тамбова [27, 28].

В состав городской элиты губернских городов по критерию профессиональной принадлежности были включены представители высшей губернской и уездной государственной, городской и земской администрации, а также владельцы крупных городских домовладений и торгово-промышленных предприятий [27. С. 52].

В исследуемых губернских центрах к данной социальной группе были отнесены губернатор и вице-губернатор, управляющие отделениями государственного банка, советники губернского правления, епископы, например Тобольский и Сибирский, и другие представители гражданской и церковной власти. По сословной принадлежности значительная их часть относилась к дворянству. Их численность составила 94 человека (с членами семьи), служащих в Тобольске, и 139 человек (с членами семьи) – в Тамбове.

В состав городской элиты также были включены владельцы крупных торгово-промышленных предприятий (1–4 разряда для промышленных предприятий и 1–2 для торговых) [29. С. 225]. По сословной принадлежности их владельцами были купцы (14 человек самозанятых в Тобольске и 14 в Тамбове), почетные граждане (6 человек в Тобольске и 19 в Тамбове) и мещане (102 человека (с членами семей) в Тамбове и 89 в Тобольске) [30. Т. 2. С. 283]. Крестьян, имевших доходные торгово-промышленные предприятия, в Тобольске было не более 10 человек, даже с учетом инородцев, ставших крупными рыбопромышленниками или имевших меховую торговлю. Удельный вес представителей верхнего социального слоя составлял 1,2% самостоятельного населения Тобольска и 1,8% Тамбова.

Средние слои составляли треть населения Тамбова в конце XIX – начале XX в. и около 25% в Тобольске. Внутри средних слоев российских провинциальных губернских центров можно выделить три страты: высшие средние, средние средние, низшие средние.

Для каждой из них были присущи свои социально-экономические характеристики, социальный облик, своеобразие элементов, их составлявших.

Исходя из профессионального критерия, к высшей страте средних слоев исследователи относят владельцев средних и мелких промышленных, торговых и иных заведений, высших служащих, работников интеллектуального труда, находившихся на государственной или общественной службе, а также получавших доход от капитала или мелкой и средней недвижимости. Представители этой страты составляли около 3% от «самостоятельного» населения анализируемых губернских центров.

К средней страте средних слоев можно отнести служащих государственных промышленных, транспортных, почтово-телеграфных предприятий, государственных и общественных управленческих учреждений, школ, больниц, церквей, «лиц свободных профессий», военнослужащих (применительно к средним слоям, это прежде всего младший и средний офицерский состав) [27. С. 54–57; 28. С. 228–229]. Учителя, фельдшеры, священники, владельцы мелких торговых и промышленных заведений, извозчики-хозяева и другие представители средней страты составляли в Тобольске 8,1% населения. В Тамбове – около 10% от числа «самостоятельного» населения.

К низшей страте средних слоев относились наемные работники частных ремесленных, торговых и промышленных предприятий, мастера-ремесленники и их ученики, извозчики-работники, домашняя прислуга. Как в Тобольске, так и в Тамбове эта страта оказалась самой многочисленной и вобрала в себя 15–17% занятого населения. В то же время следует осторожно подходить к определению численности и удельного веса представителей данной страты в составе городского населения, поскольку часть ее представителей занимали пограничное положение (с пролетарскими и полупролетарскими слоями), и более точное определение их социальной позиции требует дополнительной информации [31. С. 257].

Несмотря на важность такого критерия социальной идентификации, как профессия, он в то же время не может быть исчерпывающим применительно к российскому обществу начала XX в. При стратификации по профессиональному признаку необходимо учитывать, что представители одной профессии могли относиться к разным стратам, на что оказывали влияние разница в доходах, должностных различиях, сословии и т.д. [28. С. 228–229].

Социальный состав городских средних слоев анализируемых губернских центров в начале XX в. характеризовался полисословностью. Заметное место в составе городских средних слоев занимали дворяне (в Тамбове – 12%, в Тобольске – 10,4%). В средние слои в Тамбове попали около 85%, а в Тобольске 93,2% из числа анализируемого дворянства (остальные преимущественно включены в элиту). Это обстоятельство противоречит традиционному представлению о дворянстве как об элитарном сословии, но в то же время отражает общероссийскую тенденцию «оскудения» дворянства. Несмотря на поддержку государства, дворяне теряли

свои позиции, особенно экономические, и вытеснялись выходцами из других сословий. Сибирские дворяне, по мнению современников и исследователей, «принадлежали к классу чиновников и составляли большей частью пришлый элемент. Настоящего дворянства <...> в Сибири совершенно нет» [32. С. 127].

Основная часть духовенства обоих городов также попадала в состав средних слоев. Удельный вес духовенства составлял 3,1% от числа средних слоев Тамбова и 1,5% Тобольска.

Проведенный анализ состава населения Тамбова в начале XX в. свидетельствует о том, что удельный вес представителей привилегированных сословий в средних слоях был выше, чем их доля в населении города. Данный факт может служить дополнительным подтверждением того, что большинство представителей дворянства, почетного гражданства и духовенства удерживались на относительно высоких позициях, во всяком случае, не опускаясь ниже средней страты средних слоев общества [33. С. 133].

Самой многочисленной сословной группой в составе средних слоев Тамбова в конце XIX – начале XX в. было мещанство. Представители мещанского сословия составили около 25% от числа городских средних слоев (62% известных по сословию), при том что мещанство уступало по численности крестьянскому сословию, составлявшему половину населения Тамбова (см. таблицу). Основной процент тамбовских мещан, включенных в состав средних слоев города, приходился на среднюю страту. В Тобольске наблюдалась другая ситуация: доминирующим сословием в средних слоях было крестьянство, составившее 48,9% представителей всех средних слоев. Доля мещан была также велика и составляла 31,1%. Городское сословие преобладало в элите (48,9% от занятых представителей элиты) и высшей страте средних слоев (доля мещан 32,4%, крестьян 12,8%). Наиболее многочисленная группа мещан (61,4% от занятого мещанства), так же как и крестьян (70,3% от самостоятельного крестьянского сословия), попала в низшую страту средних слоев. Такие показатели отражают сближение социальных статусов мещан и крестьян, размытость границ между средней и низшей стратой средних слоев населения сибирского города.

К низшим слоям городского населения были отнесены чернорабочие, поденные рабочие, лица, промышляющие «домашними» ремеслами («ткет чулки», «плетет корзины») и т.п. В Тобольске и Тамбове доля представителей низших слоев общества составила более 60% занятого населения. Определенную роль в пополнении рядов беднейшего городского населения сыграли располагающиеся в Тобольске тюремные замки, а также оставшиеся в городе ссыльные и поселенцы. Большую часть низших слоев составляли крестьяне (63% от числа низших слоев) и мещане (30,3%). В Тобольске, в отличие от Тамбова, в число деклассированных элементов также попали и представители дворянства (1,2% от числа этой группы), и работавшие прачками, чернорабочими, поломойками, и жившие подаванием.

В целом анализ сословного состава и рода занятий представителей разных слоев города свидетельствует о том, что процессы модернизации, шедшие в российском обществе, серьезно трансформировали традиционные соотношения «сословие» – «социальная страта» – «профессия». Дворянин (с точки зрения формальной сословной принадлежности – представитель элитных слоев) мог входить в средние слои, а крестьянин (представитель низшего сословия) попадал (по экономическим показателям) в городскую элиту. Наблюдалось сокращение численности и удельного веса одних социально-профессиональных и сословных групп и увеличение других в составе населения города и его отдельных социальных страт, что свидетельствовало о процессах классообразования и классоразложения, шедших в российском обществе в целом и в городском населении в частности.

Приведенные данные отчетливо демонстрируют наметившуюся и развивающуюся тенденцию к нивелировке сословий и росту профессионализации общества.

Региональные особенности и темпы экономического развития накладывали определенный отпечаток на социальную структуру городов. Несмотря на схожие сословные и профессиональные структуры губернских центров, профессиональная стратификация отразила и определенные различия в тенденциях социальных изменений населения Тобольска и Тамбова, отразившиеся на последующей исторической судьбе двух губернских центров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соотношение социальных и профессиональных групп HISCO и профессиональных групп переписи 1897 г.: Гр. 0/1. Квалифицированные специалисты и работники интеллектуального труда (группы переписи 3–12, 36, 63); Гр. 2/3. Административные, управленческие и конторские служащие (группы переписи 1, 2, 45); Гр. 4. Работники сферы торговли (группы переписи 46–59); Гр. 5. Работники сферы обслуживания (группы переписи 13, 60–62, 64); Армия – группа переписи 4 «Вооруженные силы»; Гр. 6. Работники сельского хозяйства, животноводства, лесных промыслов, охотники и рыболовы (группы переписи 17–21); Гр. 7/8/9. Работники сферы производства, транспорта, неквалифицированные рабочие (группы переписи 22–37, 38–44); Доп. кл. – группы дополнительной классификации (группы переписи 14, 15, 65); Заключ. – группа переписи 16 «Лишенные свободы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. К истокам «новой исторической демографии»: от формы к содержанию // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/2 (88). С. 38–42.
2. Николаенко Н.А. Профессиональная стратификация как социальный феномен: теоретические подходы и методы изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 6. С. 44–55.
3. Стрекалова Н.В. К проблеме методики идентификации средних слоев провинциального российского города в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 11. Т. 103. С. 303–308.
4. Радаев В.В., Шкартан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. 237 с.

5. Законы о состояниях // Свод законов. Т. IX. Изд. 1899 г., по прод. 1906, 1908 и 1909 гг. / сост. Я.А. Канторович. СПб. : Право, 1911.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.
7. Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. С. 36–64.
8. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения. СПб. : Типография Дома призрения малолетних бедных, 1892.
9. Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года : критико-статистический этюд. СПб. : Изд. СПб. политехн. ин-та, 1909. 80 с.
10. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб. : Вестник знания, 1912.
11. Дмитриенко Н.М. О социальном составе населения Томска (конец XIX в. – 1917 г.) // Рабочие Сибири в конце XIX – XX вв. Томск, 1980. С. 134–154.
12. Скубневский В.А. Население города Барнаула во второй половине XIX века // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул : Изд. Алт. гос. ун-та, 1980. С. 104–129.
13. Ерочкин Н.П. Крепостное самодержавие и его политические институты. М. : Мысль, 1981.
14. Шкаратан О.И., Радаев В.В. Социальная стратификация. М. : Наука, 1995.
15. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 542 с.
16. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета МВД, 1905. Т. LXXVIII: Тобольская губерния.
17. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета МВД, 1904. Т. XLII. Тамбовская губерния.
18. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907. Т. 1–82.
19. Алисов Д.А. Инфраструктура города Тобольска во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. Серия: Отечественная история. № 2. С. 17–21.
20. Голодников К.М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск : Тип. Тобольского губернского правления, 1881. 181 с.
21. Стрекалова Н.В. К истории вопроса развития образования в Тамбове в XVIII – начале XX в. // Молодежь и социум. 2013. № 3 (15). С. 11–14.
22. Зайцева О.М., Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В. К проблеме городского управления и самоуправления в XIX – начале XX вв. (на материалах Тамбова) // Тамбов в прошлом настоящем и будущем : мат-лы VI Всерос. науч. конф., посвящ. 380-летию г. Тамбова. Тамбов : ООО «ТИС», 2016. С. 118–123.
23. Зайцева О.М., Стрекалова Н.В. Базы данных по изучению служащих Центрально-Черноземного региона в конце XIX – начале XX вв. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. № 36. С. 67–69.
24. Leeuwen M.H.D. van, Maas I., Miles A. HISCO: Historical International Standard Classification of Occupations. Leuven University Press, 2002.
25. Брюханова Е.А. Структура занятости населения Сибири на основе международной классификации занятий HISCO (по материалам переписи 1897 г.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2015. № 4-1 (88). С. 66–71. DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-09
26. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н. Кодирование исторических профессий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 220 с.
27. Зайцева О.М., Канищев В.В., Стрекалова Н.В., Орлова В.Д. Изменения социальной стратификации городского населения Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 30–71.
28. Стрекалова Н.В. Профессия как фактор социальной стратификации средних слоев провинциального российского города в начале XX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12. Т. 9. С. 225–231.
29. Стрекалова Н.В. Доход населения провинциального города России в начале XX века: проблемы, методика исчисления, фактор социальной стратификации // Вестник Тамбовского государственного университета. Гум. науки. 2010. № 9 (89). С. 223–228.
30. Вся Россия : торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. СПб. : Изд-во А.С. Суворина, 1897.
31. Стрекалова Н.В. Состав, стратификация и типология средних слоев провинциального губернского города в начале XX в. (на материалах Тамбова) // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10. С. 256–260.
32. Гончаров Ю.М. Проблемы изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80), т. 1. С. 124–130.
33. Стрекалова Н.В. Социальная стратификация и социальная мобильность городских средних слоев в 1907–1917 гг. (на материалах Тамбова) : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 310 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2016 г.

ESTATE, OCCUPATION, SOCIAL STRATUM: THE PROBLEM OF THE PROVINCIAL RUSSIAN CITIES' SOCIAL STRUCTURE STUDY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (A CASE STUDY OF TAMBOV AND TOBOLSK)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 38–46.

DOI: 10.17223/15617793/411/6

Elena A. Bryukhanova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: brelenochka@mail.ru

Vladimir N. Vladimirov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vvladimirov@icloud.com

Natalya V. Strekalova, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation). E-mail: strekalovanv@mail.ru

Keywords: governmental city; occupational structure; estate; social stratum; HISCO.

The study of cities has been a topical research field of modern social history. This interest is determined both by the historic role of cities as centers and “locomotives” of social change and the lack of answers to topical issues of the urban history. The article presents a brief source-studying and a historiographical analysis of the social structure issue in the late period of the Russian Empire. Approaches and methods as well as criteria and grounds of their use are described. The authors compare social structure of two Russian provincial governmental centers of the Central Black Earth Region (Tambov) and West Siberia (Tobolsk) in the late 19th – early 20th centuries. The study was carried out on the basis of a complex interdisciplinary approach of mass historical source analysis (personal sources included) by means of methods practiced in social sciences and computer technologies. Occupational, estate and social composition of Tambov and Tobolsk has undergone a multi-aspect analysis. To qualitatively and quantitatively analyze the social, demographic and economic markers of governmental centers development approaches and methods of “new historical demography” were employed. Such issues as age, gender and social characteristics of urban occupational and estate groups were studied; the com-

position and specific weight of the elite, middle layers and lower layers were specified. The study of the social aspects of two governmental centers located in different regions of the Russian Empire which happened to be in different historical circumstances allowed the authors to see general and specific points in the structure of social change, analyze the pace and the influence of urbanization and modernization on social transformations. The results demonstrate the decrease of the number and the specific weight of some occupational and estate groups and the increase of others within the composition of provincial governmental centers population and certain strata. This showed processes of formation and disintegration of classes characteristic of the Russian society as a whole and urban population in particular in the late 19th – early 20th centuries. Non-urban estates grew in number due to the inflow of peasants. However, the most “urban” estates from the viewpoint of constant life in the cities were the noblemen and civil servants (77.9 % in Tobolsk Province, 67.1 % in Tambov Province), the honored citizens, merchants and petty bourgeoisie (74.2 % and 65.3 % correspondingly). The results provided for some general development trends of the urban population under study (vagueness of estates, professionalization growth, etc.) as well as some regional specificity of social transformation in the regions which influenced the further history of the two cities.

REFERENCES

- Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E. & Shchetinina, A.S. (2015) To the Beginnings of “New Historical Demography”: from the Form to the Contents. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*. 4/2 (88). pp. 38–42. (In Russian).
- Nikolaenko, N.A. (2014) Professional stratification as a social phenomenon: theoretical approaches and methods of research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii – Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 6. pp. 44–55. (In Russian).
- Strekalova, N.V. (2011) On problem of methodics of Russian middle class provincial town in the beginning of 20th century. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Series: Humanities*. 11:103. pp. 303–308. (In Russian).
- Radaev, V.V. & Shkaratan, O.I. (1995) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Nauka.
- Kantorovich, Ya.A. (1911) Zakony o sostoyaniyakh [The laws on wealth]. In: *Svod zakonov* [Code of Laws]. Vol. 9. St. Petersburg: Pravo.
- Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t.* [Social history of the Russian Empire period (18th – beginning of the 20th centuries): in 2 vols]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Goncharov, Yu.M. (2002) Soslovnyy sostav gorodskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale 20 vv. [Social structure of the urban population of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed.) *Goroda Sibiri XVIII – nachala XX vv.* [Cities of Siberia of the 18th – early 20th centuries]. Barnaul: Altai State University.
- Yanson, Yu.E. (1892) *Sravnitel'naya statistika naseleniya* [Comparative population statistics]. St. Petersburg: Tipografiya Doma prizraniya maloletnikh bednykh.
- Kadomtsev, B.P. (1909) *Professional'nyy i sotsial'nyy sostav naseleniya Evropeyskoy Rossii po dannym perepisi 1897 goda: kritiko-statisticheskiy etyud* [Professional and social composition of the population of European Russia according to the 1897 census: a critical and statistical study]. St. Petersburg: Saint Petersburg Polytechnical University.
- Rubakin, N.A. (1912) *Rossiya v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy* [Russia in numbers. Country. People. Estates. Classes]. St. Petersburg: Vestnik znaniya.
- Dmitrienko, N.M. (1980) O sotsial'nom sostave naseleniya Tomsk (konets XIX v. – 1917 g) [On the social composition of the population of Tomsk (the end of the 19th century – 1917)]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Rabochie Sibiri v kontse XIX – XX vv.* [Workers of Siberia in the end of the 19th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Skubnevskiy, V.A. (1980) Naselenie goroda Barnaula vo vtoroy polovine XIX veka [The population of the city of Barnaul in the second half of the 19th century]. In: Borodavkin, A.P. (ed.) *Aktual'nye voprosy istorii Altaya* [Topical issues of Altai history]. Barnaul: Altai State University.
- Eroshkin, N.P. (1981) *Krepostnoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty* [The serf autocracy and its political institutions]. Moscow: Mysl'.
- Shkaratan, O.I. & Radaev, V.V. (1995) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification]. Moscow: Nauka.
- Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
- Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first national census of the Russian Empire of 1897]. Vol. 78. St. Petersburg: Izd. Tsentr. statisticheskogo komiteta MVD.
- Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first national census of the Russian Empire of 1897]. Vol. 42. St. Petersburg: Izd. Tsentr. statisticheskogo komiteta MVD.
- Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1890–1907) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vols 1–82. St. Petersburg: AO “F.A. Brokgauz – I.A. Efron”.
- Alisov, D.A. (1999) Infrastruktura goroda Tobol'ska vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The infrastructure of the city of Tobolsk in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 17–21.
- Golodnikov, K.M. (1881) *Tobol'skaya guberniya nakanune 300-letney godovshchiny zavoevaniya Sibiri* [Tobolsk Province on the eve of the 300th anniversary of the conquest of Siberia]. Tobolsk: Tip. Tobol'skogo gubernskogo pravleniya.
- Strekalova, N.V. (2013) To the history of the development of education in Tambov in the 18th – the beginning of the 20th centuries. *Molodezh' i sotsium*. 3 (15). pp. 11–14. (In Russian).
- Zaytseva, O.M., Strekalova, N.V. & Strekalov, D.V. (2016) [On the problem of urban management and self-government in the 19th – early 20th centuries (on materials of Tambov)]. *Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Tambov in the past, present and future]. Proceedings of the all-Russian conference on the 380th anniversary of Tambov. Tambov: OOO “TPS”. pp. 118–123. (In Russian).
- Zaytseva, O.M. & Strekalova, N.V. (2010) Bazy dannykh po izucheniyu sluzhashchikh Tsentral'no-Chernozemnogo regiona v kontse XIX – nachale XX vv. [Databases on the study of the Central Black Earth region employees in the late 19th – early 20th centuries]. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii “Istoriya i komp'yuter”*. 36. pp. 67–69.
- Leeuwen, M.H.D. van, Maas, I. & Miles, A. (2002) *HISCO: Historical International Standard Classification of Occupations*. Leuven University Press.
- Bryukhanova, E.A. (2015) Siberian Population Occupational Structure Based on Historical International Standard Classification of Occupation (by 1897 Census Data). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkhologiya – News of Altai State University. Series: History and Archaeology*. 4-1(88). pp. 66–71. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-09
- Bryukhanova, E.A. & Vladimirov, V.N. (2015) *Kodirovanie istoricheskikh professiy* [Coding of historical professions]. Barnaul: Altai State University.
- Zaytseva, O.M. et al. (2005) Izmeneniya sotsial'noy stratifikatsii gorodskogo naseleniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XIX – nachale XX v. [Changes in the social stratification of the urban population of the Central Black Soil Region in the late 19th – early 20th centuries]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed.) *Protessy urbanizatsii v Tsentral'noy Rossii i Sibiri* [Urbanization in Central Russia and Siberia]. Barnaul: Altai State University.

28. Strekalova, N.V. (2014) Profession as factor of social stratification of the middle class of the provincial Russian town at the beginning of the 20th century. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and economic phenomena and processes*. 12:9. pp. 225–231. (In Russian).
29. Strekalova, N.V. (2010) Dokhod naseleniya provintsial'nogo goroda Rossii v nachale 20 veka: problemy, metodika ischisleniya, faktor sotsial'noy stratifikatsii [The income of the Russian population of the provincial city in the early twentieth century: problems, methods of calculation, the factor of social stratification]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Reports. Series: Humanities*. 9 (89). pp. 223–228.
30. Suvorin, A.S. (1897) *Vsya Rossiya: trgovno-promyshlennyy adres-kalendar' Rossiyskoy imperii* [All Russia: Commercial and industrial address-calendar of the Russian Empire]. St. Petersburg: Izd-vo A.S. Suvorin, 1897.
31. Strekalova, N.V. (2011) The structure, stratification and typology of middle classes of a governorate town in the early twentieth century (on the material of Tambov). *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and economic phenomena and processes*. 10. pp. 256–260. (In Russian).
32. Goncharov, Yu.M. (2013) Problems of the Study of Social Stratification of the City Population in Western Siberia in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*. 4 (80):1. pp. 124–130. (In Russian).
33. Strekalova, N.V. (2003) *Sotsial'naya stratifikatsiya i sotsial'naya mobil'nost' gorodskikh srednikh sloev v 1907–1917 gg. (na materialakh Tambova)* [Social stratification and social mobility of the urban middle classes in 1907–1917 (on materials of Tambov)]. History Cand. Diss. Tambov.

Received: 24 August 2016